

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

***
Родной язык
в нас снова растревожит
И русскую тоску, и нашу прыть.
От первых потаённых чувств:
"Быть может..."
И до надежды страстной:
"Может быть!".
Родной язык.
Мы все уйдём и сгинем.
Но строчка будет жить, ей хватит сил:
"Скажи поклонны князю и княгине", —
Так Бунин в прошлом веке попросил.
А в детстве, кто из нас,
как небожитель,
Не отхлебнул из русского ковша?
Родной язык —
и ангел наш хранитель,
И песня, словно общая душа,
Которую всё реже дарит радио,
Но верещит всё громче на износ.
Родной язык:
"Не в силе Бог, а в правде", —
В тысячелетье прошлом произнёс.
Народа нет и не было немного.
И гордость, и смирение на лице
Он выразит:
"В начале было Слово...",
"Пусть... будет пухом..."
он вздохнёт в конце.

Он узелок на память нам и — затесь,
Он оберег наш и — сторожевой,
Он был и есть,
как Бог, без доказательств.
Родной язык — наш промысел живой.
**ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ
ПОБЕЖДЁННЫХ НАРОДОВ**
Я был туристом
в стане побеждённых:
Вот немец и француз, поляк и швед.
История народов просвещённых
Не помнит громких не своих побед.
А если вспомнит, так переиначит
И уведёт, так выгодно шутя,
Что пресловутый
"писающий мальчик"
Всего важнее станет для тебя.
И победитель в стане побеждённых
Не знаменитый силою медеведь,
А русский неуклюжий медвежонок —
Так легче снисходительно смотреть.

***
По законам Николы Теслы,
но, скорее, в заповедь льда,
ты во व्यюге ночной исчезла,
не сказав мне ни "нет", ни "да".
Здесь повсюду мумии сосен,
дефиле их снежных пижам.
Кто кого в этот холод бросил,
кто к кому, от кого бежал?
Разнослышьё
Дмитрий КАЛУГИН
Было много любви дано нам,
для забвений, сдачи в утиль.
И по вечным сердца канонам:
мы уходим — чтобы найти.
***
На желание вспомнить спишем
эту ночь и рассвета главы.
Вспомнить главное и... о бывшей,
что была, вероятно, главным.
Не страдаю я от бессонниц
так давно — даже неприлично.
Но нет-нет, да и ночь присвоит
вдруг одно из Её обличей.
Снами юность я пролистаю,
юность с нами... И это денег —
подороже, покрепче стали,
но и... легче вчерашней тени.
***
Если в городе расставлены авто,
здания скучены, как в IKEA — мебель,
не гадай, дело очевидно лишь в том,
что тебе стоит влюбиться немедленно.
Я и сам дома шкафы-купе хочу
превратить в стильные аксессуары
вот с тобою моих обострённых чувств.
В бутоньерке чтоб солнце
цветком алым.
Но сейчас идёт не за нас молебен,
И по улицам тени, вода, мебель...
***
В этом было не слишком уж смысла,
чувства — рок, а не лёгкость простуд.
Так одни видят: листья повисли
на ветвях, а другие — растут.
В этом было не слишком уж правды,
только холод души, жар чела.
Так одни между раем и адом,
а другие меж завтра-вчера.

Все эти карты и наполеоны,
Нас прихордившие завоевать,
Лжедмитрии и гитлеры опять
В истории народов просвещённых
Нас варварами жадут называть.
ДОНСКОЙ МОНАСТЫРЬ
Молюсь на купола Донского
Монастыря через окно.
Прообраз творения мира
Сергей ДОНБАЙ

В сиянье неба голубого —
Иконописное оно.
А купола строгие, как туча.
Их пять. И рядом благовест.
И, словно поднебесный кучер,
Над ними золотится крест.
Темнеют купола Донского
Среди Москвы монастыря,
Чтоб тучу с поля Куликова
Не забывали из Кремля,
Чтоб жили не единым хлебом
В мироточенье бытия
И подружилась с русским небом
Церквей и звонниц толчая,
Молюсь на купола Донского...
Никем не писанный канон —
В сиянье неба голубого
Иконописное окно.
ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ
*Ещё природа не проснулась,
Но сквозь редющего сна
Весну послышала она
И ей невольно улыбнулась...*
Ф.Тютчев
Проснулся ночью и — капель
Стучит по жести, как попало!
— Теперь теплей, теперь теплей, —
В душе природа зашептала.
А не припомнилась ли ей
И воздухов, и звуков юность?
— Теперь теплей, теперь теплей, —
Во сне природа улыбнулась.
Природа слушала капель,
И улыбалась, и шептала:
— Теперь теплей, теперь теплей, —
Но голову всё же не теряла...

НОЧНАЯ ГРОЗА
Гроза догоняет грозу.
Сто молний в минуту блистаёт
На небе вверх и вниз,
И ночь непроглядная тает.
Едва поднебесный фонарь
В ночной погружается дёготь,
Как громы берётся громарь
За ниточки-молнии дёргать.
От них приседает земля,
Деревья дрожат, как подранки,
Любимый тобою и мною
Наш трагикомический бард.
Мы жили, волнуясь от песен!
И нам подпевал Люцифер,
Как будто невольнику печень
Тихонько терзал, лицемер.
Ну, что же теперь после драки
Махаться нам, как говорят?

На небе вверх и вниз,
И ночь непроглядная тает.
Едва поднебесный фонарь
В ночной погружается дёготь,
Как громы берётся громарь
За ниточки-молнии дёргать.
От них приседает земля,
Деревья дрожат, как подранки,
Любимый тобою и мною
Наш трагикомический бард.
Мы жили, волнуясь от песен!
И нам подпевал Люцифер,
Как будто невольнику печень
Тихонько терзал, лицемер.
Ну, что же теперь после драки
Махаться нам, как говорят?

И воет железо не зря
Со страху на автостоянке.
И земля нагорный потоп
С небес, как возница, бичует! —
Во время библейское, чтоб
Почувствовал каждый, ночует.
Большая ночная гроза.
И страшно, и сыро, и сиро...
Вершится на наших глазах
Прообраз творения мира.
ПРОЗА ПАРИЖА
Сфотографировался у Лувра.
И, наконец, погулял по Монмартру —
Мечта из юности не обманула.
Но не восполнить её утрату...
Пил кофе
на башне конструктора Эйфеля.
Да, верхотура так уж верхотура!
Но мост царя Александра Третьего —
Роскошный, русский,
сказалась натура!
Париж уже от каштанов рыжий.
Хожу и влюбляюсь
в Париж понемножку.
Смешно, но вспомнил:
вернусь из Парижа
И надо будет копать картошку.
***
Б.Бурмистрову
Мы жили в эпоху застоя,
И не замечали застой.
И всё это было со мною,
И всё это было с тобой.
Мы жили: на стенах обои,
Квадрат на полу золотой,
И небо в окне голубое,
И птицы летают гурьбой.
И пел над безбожной страной,
Как будто сам чёрт ему брат,

Воздух проснулся,
чирикает, каркает,
Чиркает спичкой, рисует крылом
Еле заметные миру каракули.
Кто его знает, чем будут потом?
Воздух — ребёнок ещё не умеющий
Слово сказать, размахнуться кнутом.
Как пирожками торгующий
Меньщиков —
Князем... в Берёзове... —
будет потом.
ДЕНЬ ШАХТЁРА В КЕМЕРОВЕ
Хворостовский пел на стадионе.
Высоко на Западной трибуне
Слушали его под облаками —
Разный люд в соседстве с горняками.
Сразу после чудного ромаса,
Как он безозубо улыбался!
Не щадя ладоней отвечали,
Хлопая певцу кемеровчане.

Воды потоки... Но мало! Мало!
Земля, как баба, всю ночь стонала.
Упруги струи небесной мощи,
Земля покорна, она не ропщет.
Прикрикнет небо громовым рыком —
Земля в испуге ответит криком.
И плётки молний, и струй удары —
Земля ликует от этой кары.
Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Эх, как они прекрасны в двадцать лет,
Уверенные, что судьба, бесспорно,
Счастливым им назначила билет,
И всякое сомнение в этом вздорно.
Прекрасны их открытые глаза,
И яблочная глянцевищность кожи,
А.Е.
Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Ты не веришь ни в Будду, ни в Шиву,
что ж, послушай сегодняшний наст:
в этом было так много, что живо,
в этом было так призрачно Нас.
***
Балкон
оказался с видом
на прошлое.
Город нем.
Разнослышьё
Дмитрий КАЛУГИН
Тобой подаренный свитер,
сегодня с утра на мне.
Зачем же мы вторглись в титры
короткометражек чувств?
Не зная ответ, твой свитер
надел и... я в завтра мчусь.
Мы не были Богом свиты,
а только близки в игре.
...В промозглый октябрь твой свитер
(а может память?) согрел.
***
...Метель, луна, как абажур,
век одиночества — тьмы короче.
И ты droжишь, и я дрожу,
и рвём сердца в снежинок клочья.
В молчаньи царствует пурга,
мы покорились ей охотно.
И нервная в руке рука —
отвага словно Дон Кихота.
Венок из судорог тел, душ,
и пустота тревоги гибче.
И чётких стрелок смита тушь,
однако снегом ли погубимш?..
***
В закат нить горизонта — веры уже.
Мы были хуже:
и тех кто не живёт, а слепо кружит,
и тех, кто глубже,
Мы хуже, точка, письма по конвертам.
На крыльях ветра
они передадут любви приветы.
На больше — вето.
Мы в разнослышьё
слов, стихов и ритмов,
теперь в молитве:
прости за мир,
где холод, скорби и плиты,
и мы не слиты.

Вот это ливень! Вот это сила!
Земля давно уж его просила.
Недели зноя — и вот настало...
Земля смешалась, затрепетала.
Разверзлось небо, всё потемнело.
Земля простерла большое тело.

ратура... Эти имена дополнялись современни-
ками, среди которых и мы, наверное, не были
чужими...
О том, что нас не разъединяет, а именно —
объединяет, говорил Сабир Рустамханлы и в
большой сцене в своей юбилейной речи — в
прошлом году, в мае. Знаете, до этого мне ни
разу не приходилось видеть такого, чтобы на
творческий вечер поэта люди пробивались, про-
стие меня, как на футбол. Столпотворение!
Редкие обладатели пригласительных билетов
буквально протискивались сквозь плотные ряды
несчастливцев, пришедших к дверям театра,
увы, без билета... Баку жаждал услышать свое-
го Поэта, побить рядом с человеком, вошедшим
в новейшую историю Азербайджана — полновес-
но, красиво и достойно. И Баку был удовлетво-
рён — Сабир Рустамханлы, как всегда, был в
ударе. Переполненный зал дышал буквально в

Меломан в соседстве с горняками
Вытирали радость кулаками.
По причине той же у плеча
Жёны тушь пускали в два ручья.

В небе
над ареною
спортивной
Притихал
летевший
реактивный,
Чтоб унёс домой
в душе сосед
Голоса инверсионный след.
С головой в искусство окунувшись,
Стадион сидел не шелохнувшись.
По причёскам, юбкам, как повеса,
Ветерок гулял среди оркестра.
И с пюпитров ноты улетали,
Словно музыкантов проверяли...
Солнце то скрывалось, то сияло —
Знать, поёт в Сибири —
не в "Ля Скала!"
Русскую народную над крышами
Голос поднимал,
как будто крыльями.
А над ними, золотая свой взор,
Слушал песню Знаменский собор.
Хворостовский пел, то унимался...
Жордана пел, и улыбался.
***
Прочитана новая книга
И стала родной.
Писатель, как добрый коняга,
Стоит за спиной.
Он снова, как будто случайно,
Опять за своё:
И сладко слеза опечалит,
Тоска запоёт.
Поднимет душевная вьюга
Неслышимый крик —
Читатель известный ворога,
Прочитанных книг.
Над строчкой, слезинку роняя,
Вздыхнёт о своём.
Предстанет Щегловка родная
Нам Царским Селом.
Беду не просмотрит Немига,
Пока нам нужна
На русском престоле Князь-Книга
И Книжка-Княжна.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бутылке
Полувдохшийся коньяк...
***
В оранжевых жилетах бабы
Шагают боком, точно крабы,
Сметаю желтую листву —
Дань ритуальному костру.
Одолевают их артритом
Октябрьские сырые дни,
Им тяжело. Вороньим криком
Перекиваются они.
Но каждый год, учуяв запах
Последних драчных хризантем,
Слетаются в сей месяц затхлый
На мётлах... Мётлы — их тотем.
О, как намусорило лето!
В своих общарпанных жилетах
Вороны-бабы на посту —
Сметаю жухлую листву.
***
Зачем те глаза на меня смотрели,
Как будто бы знали всё?
Но вот не признались — и улетели
По свиткам династии Сё.

Вот затихло всё на рассвете,
Земля предстала в дыму соцветий.
О, сколько счастья! О, сколько света!
Земля справляет Макушку Лета.
***
Полулето приветствовало полусосен.
На полу догорал закат.
За окном облака, красноватые в просины,
Полосатые, словно агат.
Полуполуулыбки и полунамёки
Для касания только взгляд.
Полуизгляд... И прощальные словопотоки.
И помчался месяцепад...
Вот и ждёт голоса онемевшей мобилки
Полустоик-полуманьяк,
И тоскует в полуполутой бут